

УДК 323.1(470.6)

Традиционализация и архаизация транснациональных отношений в Северо-Кавказском регионе: причины, признаки

М. М. Гаджиев

Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович, кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социально-политических наук, Дагестанский государственный университет, Махачкала, gadjiev.dgu@mail.ru

В настоящей статье автор рассматривает крайне актуальную для современной России проблему – специфику архаизации политической культуры традиционализации и архаизации транснациональных отношений в Северо-Кавказском регионе. Автор обращается к анализу основных причин традиционализации и архаизации межнациональных отношений региона, их влияния на социально-политические процессы в северокавказских республиках. Особое внимание уделяется негативному влиянию архаизации политической культуры на характер транснациональных отношений, рассматривая этнонационалистические и этнорелигиозные тенденции в республиках Северного Кавказа.

Ключевые слова: традиционализация, архаизация, Северный Кавказ, традиции, транснационализм, этнократия, этничность, межнациональные отношения, клановость, Республика Дагестан.

Поступила в редакцию: 29.04.2020 / Принята: 12.05.2020 / Опубликована: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Traditionalization and Archaization of Transnational Relations in the North Caucasus Region: Reasons and Signs

М. М. Gadzhiev

Magomedemin M. Gadzhiev, <https://orcid.org/0000-0001-9205-3780>, Daghestan State University, 43a Gadzhiev St., Makhachkala 367000, Republic of Daghestan, Russia, gadjiev.dgu@mail.ru

In this article, the author considers a problem which is extremely urgent for modern Russia – the specifics of the archaization of the political culture of traditionalization and the archaization of transnational relations in the North Caucasus region. The author analyzes the main reasons for the traditionalization and archaization of interethnic relations of the region, their influence on the socio-political processes in the North Caucasus republics. The author pays special attention to the negative impact of the archaization of political culture on the nature of transnational relations, examining ethno-nationalist and ethno-religious trends in the republics of the North Caucasus.

Keywords: traditionalization, archaization, North Caucasus, traditions, transnationalism, ethnocracy, ethnicity, interethnic relations, nepotism, Republic of Daghestan.

Received: 29.04.2020 / Accepted: 12.05.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-338-341>

Северный Кавказ занимает особое место среди прочих регионов Российской Федерации. Географические, социокультурные, социально-экономические особенности предопределяют и характер развития политической культуры в республиках Северного Кавказа. В состав Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации входят национальные республики – Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, а также Ставропольский край, являющийся многонациональным регионом.

В большинстве субъектов СКФО основную часть населения составляют представители титульных наций, преимущественно исповедующие ислам. В период распада советской государственности на Северном Кавказе, как и в других национальных регионах России, происходил процесс возрождения этнической и конфессиональной идентичности. Следствием этого процесса, наложившегося на возникшие вследствие распада СССР и перехода к рыночной экономике социально-экономические проблемы, стала архаизация политической культуры северокавказских обществ. Возрождение этнической и конфессиональной идентичности проявляется в гипертрофированном увлечении «прошлым», присущем северокавказским республикам. Колоссальное внимание, уделяемое историческим и этнографическим аспектам северокавказских обществ, оборачивается на практике сохранением и дальнейшим распространением традиционалистских настроений. Получается, что взгляд северокавказской интеллигенции, выполняющей идеологические функции в республиках, «обращен в прошлое»¹. Эта «историчность» северокавказских обществ оказывает определяющее влияние и на политическую культуру региона. В политической культуре северокавказских республик преобладают этнонационалистические и религиозные компоненты.

Специфика политической культуры северокавказских народов определяется не только этническими и конфессиональными особенностями региона, но и социально-демографическими процессами, происходящими в регионе. Известно, что к началу XXI в. уровень урбанизации в республиках Северного Кавказа составлял лишь 35–45%. По российским меркам это очень незначительный показатель – для большинства регионов России такие цифры были характерны для 1950-х гг.² К тому же, следует отметить, даже городское насе-

ление северокавказских республик в значительной степени сохраняет менталитет сельских жителей. Во-первых, многие городские жители не порывают связь с «родовыми» селениями, где проводят свадьбы и похороны. Во-вторых, сам характер занятости городских жителей и их образ жизни мало чем отличаются от аналогичных в сельских поселениях.

Так, Е. А. Варшавер использует по отношению к населению окраинных районов Махачкалы термин П. Бурдые «субпролетариат», под которым понимает маргинальные группы еще не городского, но уже и не сельского населения³. Представления о жизни, мировоззренческие и поведенческие установки у городского субпролетариата остаются во многом сельскими, тогда как значительная часть неформального социального контроля, присущая сельской местности, в городе оказывается утраченной. Тем не менее, в среде городского субпролетариата остается востребованным стремление к выработке групповой идентичности, только сельская община может заменяться другими социальными группами – кланами земляков и соплеменников, религиозными джамаатами.

Настоящей проблемой для Северного Кавказа стал непрекращающийся отток русского и русскоязычного населения из большинства республик региона и даже из отдельных районов Ставропольского края. Сокращение количества русских, проживающих в северокавказских республиках, меняет структуру и образ жизни городского населения региона⁴. Перезезжающее в другие регионы России русское и русскоязычное население в городах замещается мигрантами из сельской местности, что способствует воспроизводству архаичных национальных традиций в социальных практиках северокавказских обществ. В многонациональной среде кавказских городов более легко протекали процессы межэтнического социокультурного взаимодействия, которые значительно усложнились после оттока русского и русскоязычного населения и формирования моноэтнической или полиэтнической, но сугубо «кавказской» среды в городах региона. В изменившихся социально-политических условиях этническая и клановая принадлежность приобретают новое наполнение, родовые и клановые структуры превращаются в важнейшие механизмы политической жизни северокавказского региона. Происходит возвращение традиционных адатов – системы социальных норм, которая в кавказских обществах выступала основным регулятором социальных отношений в досоветский период истории региона⁵.

Архаизация политической культуры северокавказских обществ тесно связана с уровнем их реальной интеграции в «русский мир», т. е. – в цивилизационное пространство, формируемое Российским государством. В наименее интегрированных регионах страны, что вполне закономерно, наблюдается и более высокий уровень распространения архаики в политической культуре. На Северном Кавказе наиболее архаичными остаются общества северо-восточной части региона – Дагестана,

Чечни и Ингушетии. Так, чеченский народ до сих пор делится на 165–170 тейпов, представляющих собой объединение «больших семей». Несмотря на то что с XVIII в. все более ускоряющимися темпами шли процессы исламизации Чечни, в конечном итоге шариатское право не смогло полностью вытеснить древнее родовое право чеченцев. В результате взаимодействия этнического и религиозного компонентов в Чечне, как и в других республиках региона, сложились две параллельные системы – этносоциальная и этнорелигиозная⁶. В каждой из них отношения регулируются собственными правилами – адатом и шариатом соответственно, существует и собственная иерархия, основанная либо на традиционном родовом приоритете, либо на религиозном авторитете.

В период советского управления на Северном Кавказе происходила ломка традиционных основ социальной организации, приведшая, однако, не столько к социальной модернизации северокавказских обществ, сколько к трансформации традиционных социальных структур. Именно в советское время, помимо тейпов и тухумов, важной формой социальной организации на Северном Кавказе стали кланы, которые могут включать в себя представителей различных этносоциальных групп, объединенных некоторыми общими целями и интересами. Наиболее четко клановые отношения проявляются в тех республиках региона, для которых характерен полиэтнический состав населения, в первую очередь – в Дагестане.

В то же время специфика организации труда в северокавказских республиках в советский период отечественной истории способствовала консервации архаичных отношений в кавказских обществах. Так, русские и русскоязычные жители северокавказских республик, концентрировавшиеся в городах, были сосредоточены в сфере индустриального производства, здравоохранения, образования. Представители северокавказских народов, в свою очередь, превалировали в сельском хозяйстве, торговле сельскохозяйственной продукцией, а также в строительстве, автотранспорте. Таким образом, основная часть северокавказского населения оставалась в сельской местности либо населяла районы городов, мало чем отличающиеся от сельских поселений по менталитету жителей.

В Чеченской Республике именно родовые селения, а не крупные города остаются основными политическими центрами, поскольку выполняют роль центров для определенных тейпов чеченского общества. Получается, что село с его социальной архаикой в Чечне играет доминирующую роль по сравнению с городом. Как отмечает Л. Басханова, для чеченского общества характерны черты, присущие традиционному типу: преобладание сельского населения над городским, аграрное перенаселение, высокий уровень рождаемости, невысокий уровень образования и развития социально-профессиональной дифференциации общества⁷. Однако социально-трансформационные процессы неизбежно за-

тронули и социальную структуру северокавказских обществ. Современный житель Северного Кавказа, как уже отмечалось выше, – это чаще всего и не крестьянин традиционного аграрного общества, и не горожанин, а маргинал, сосредоточенный на собственном выживании и обретении весомых позиций в окружающем его обществе. Именно в таких недоурбанизированных маргинальных обществах и наблюдаются процессы архаизации.

После распада Советского Союза в северокавказских республиках начался процесс стремительного роста влияния альтернативных органов управления на местах – прежде всего родоплеменных и религиозных структур. В настоящее время неформальные авторитеты – религиозные и родоплеменные лидеры – имеют гораздо более значимое влияние в регионе, чем представители официальной администрации. Без консенсуса администрации с местными неформальными структурами невозможна реализация любых управленческих программ. Поэтому федеральный центр, руководствуясь печальным опытом двух чеченских войн и событий в Дагестане и Ингушетии, обратился к практике выстраивания диалога с традиционными общественными институтами в северокавказских республиках.

Однако само по себе возвращение влияния традиционных общественных институтов стало возможным благодаря идеологическому вакууму российского общества в постсоветский период и разрушению социальной и экономической инфраструктуры северокавказских республик. Отток русского и русскоязычного населения способствовал снижению качества образования и медицинских услуг, деиндустриализация северокавказских республик привела к маргинализации значительной части населения. Образовавшийся вакуум в сфере идеологии стал заполняться религиозными проповедниками, в том числе и прибывающими из-за рубежа – из Турции, Саудовской Аравии, других государств Ближнего Востока. В то же время значительная часть молодых северокавказцев переориентировалась на традиционное религиозное образование, за получением которого отправляется в арабские страны. Возвращение к традиционным формам политической и социальной организации частью северокавказской молодежи рассматривается в качестве единственной альтернативы существующему кризисному положению в республиках.

Архаизация политической культуры северокавказских республик оказывает сильнейшее влияние и на характер межнациональных отношений в регионе. Во-первых, за два постсоветских десятилетия в результате процессов «ренессанса этнической идентичности» на Северном Кавказе активизировались этнонационалистические и этнорелигиозные настроения. Советская идентичность была разрушена⁸, а принадлежность к единой российской гражданской общности значительная часть населения северокавказских республик не осознает.

В распространении националистических настроений на Северном Кавказе сыграл определенную роль и внешнеполитический фактор, а именно целенаправленная деятельность ряда иностранных государств, направленная на дестабилизацию политической ситуации в регионе с целью ослабления российской государственности и влияния России на Кавказе и на Ближнем Востоке. Во-вторых, следствием возвращения к архаичным формам политической культуры стало неизбежное возникновение конфликтов, детерминированных социально-экономическими и социально-демографическими факторами, но быстро перерастающих в межэтническое противостояние – именно по причине отсутствия развитой надэтнической идентичности.

С. Ю. Землякова говорит о крайне опасных для единства Российского государства последствиях функционирования этнократических режимов в северокавказских республиках. По ее мнению, Российскому государству необходимо вести серьезную и решительную борьбу с этнократическими тенденциями в северокавказском регионе, даже если «подобные действия могут привести к временной активизации террористических и экстремистских элементов»⁹. То есть этнократии на Северном Кавказе представляют не меньшую угрозу национальной безопасности Российского государства, чем распространение религиозно-экстремистских настроений. Более того, в определенной степени именно этнократии, чье формирование является следствием архаизации политического бытия северокавказских республик, выступают в качестве основного детерминирующего фактора по отношению к террористической и экстремистской активности в регионе. Как отмечает А. А. Саидов, «руководитель, помимо своей воли, вынужден встраиваться в объективные, традиционные, бытовые, очень живучие, земляческие, джамаатские, тейповые, этноклановые и т. д. структуры, процессы и отношения, объективно организующие жизнедеятельность общества. Формирование руководства, политической элиты, распределение должностей в регионе происходит по данным законам»¹⁰.

Клановый характер власти в северокавказских республиках лишь усугубляет процессы этносоциального неравенства, что провоцирует дальнейшие конфликтные ситуации и способствует распространению религиозно-экстремистских взглядов. Радикальный ислам начинает рассматриваться северокавказской молодежью как единственный инструмент выстраивания надэтнической идентичности, с помощью которого можно преодолеть противоречия между отдельными этническими и родоплеменными группами, ликвидировать клановость и кумовство в органах власти. Как отмечает Е. В. Рябченко, в последние годы все более снижается возраст участников религиозно-экстремистского подполья, что свидетельствует о «борьбе за умы» северокавказской молодежи¹¹. Однако приток молодых людей в ряды экстремистских организаций становится возможным и вследствие

разрушения системы светского образования на Северном Кавказе и повышения престижа традиционного религиозного образования. В свою очередь, клерикализация общественной жизни, включая и образование, в регионе является одним из последствий архаизации политической культуры северокавказских республик.

Есть ли у российской власти что противопоставить процессам архаизации политической культуры на Северном Кавказе? Наверное, излишне говорить о том, что данные процессы носят объективный характер и являются следствием социально-экономической и политической нестабильности в регионе. Без социальной модернизации северокавказских обществ не представляется возможным и преодоление архаичных тенденций в социально-политическом развитии национальных республик Северного Кавказа. Если Российское государство выступит в роли основного актора модернизационных преобразований в северокавказском регионе, то местные сообщества в конечном итоге окажутся интегрированными в процесс социального и социокультурного строительства. Таким образом, государственная политика будет переведена в плоскость осмысленного и практически ориентированного совершенствования социально-политических и социокультурных аспектов существования северокавказских обществ¹².

Для северокавказских обществ в настоящее время характерны процессы архаизации политической культуры. Основными их причинами в республиках Северного Кавказа являются социально-демографические (высокая рождаемость, низкая урбанизированность), социально-экономические (превалирование аграрного сектора над индустриальным, безработица), этнополитические (отток русского и русскоязычного населения, межнациональные конфликты), идеологические (идейный и ценностно-мировоззренческий вакуум в постсоветский период) факторы. На межнациональные отношения в северокавказском регионе архаизация политической культуры оказывает негативное влияние, способствуя дальнейшему усугублению межэтнической напряженности, росту этнонационалистических настроений. Важнейшим условием преодоления тенденций архаизации в северокавказских республиках является общая социальная модернизация Северного Кавказа при активном и определяющем участии центральной российской власти.

Примечания

- 1 См.: *Авксентьев В. А.* Экономические и социокультурные детерминанты региональных конфликтов на Юге России // Диалог культур в условиях глобализации : XII Международные Лихачевские научные чтения (17–18 мая 2012 г.) : в 2 т. / науч. ред. А. С. Запесоцкий. Т. 1. Доклады. СПб. : СПбГУП, 2012. С. 370–372.
- 2 См.: *Суций С. Я.* Северный Кавказ. Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М. : URSS, 2013.
- 3 См.: *Варшавер Е. А.* Тарки-Караман : механизм одного земельного конфликта в Дагестане // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2014. № 5 (123). С. 104–114.
- 4 См.: *Поляков Е. М.* Политика органов государственной власти России на Северном Кавказе (1990-е – 2000-е гг.) : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Воронеж, 2009.
- 5 См.: *Гозгешева С. М.* Феномен традиционных институтов обычного права (адата) и мусульманского (шариата) на Северном Кавказе // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 1. Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 3. С. 293–300.
- 6 См.: *Басханова Л. С.-Э.* Чечня : общественное мнение в условиях этнополитического конфликта / отв. ред. В. В. Черноус ; Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 21. Ростов н/Д, Изд-во СКНЦ ВШ, 2004.
- 7 Там же.
- 8 См.: *Самыгин С. И., Верещагина А. В., Белов М. Т.* Угрозы национальной идентичности в информационном пространстве современного социума и риски информационной безопасности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 4. С. 78–85.
- 9 *Землякова С. Ю.* Идеология этноэтатизма на Северном Кавказе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2012. С. 36
- 10 *Сиражудинова С. В., Саидов А. А., Алигаджиева М. А.* Ожидания Дагестана : социально-политические трансформации и элиты. М. : Перо, 2014. С. 97.
- 11 См.: *Рябченко Е. В.* Идеология экстремизма как средство социального управления // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 305–308.
- 12 См.: *Боров А. Х., Муратова Е. Г.* Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 157–166.

Образец для цитирования:

Гаджиев М. М. Традиционализация и архаизация транснациональных отношений в Северо-Кавказском регионе: причины, признаки // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 338–341. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-338-341>

Cite this article as:

Gadzhiev M. M. Traditionalization and Archaization of Transnational Relations in the North Caucasus Region: Reasons and Signs. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 338–341 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-338-341>